

За дверью уборной слышались глухие шаги — кто-то шёл по мраморному полу коридора.

Ли Жун прочистил горло и с весёлым прищуром взглянул на Цэнь Сяо:

— Кхм... Мне вообще-то нужно высушить брюки. Ты так и будешь здесь стоять?

Одежда промокла насквозь, так что её придётся снять. Юноша не то чтобы боялся чужих взглядов, но в этой жизни их отношения не строились на чисто физическом влечении, как в прошлом, — сейчас хотелось большего целомудрия.

Взгляд Цэнь Сяо медленно скользнул вниз и замер, заставив собеседника внутренне напрячься.

— А мне разве нельзя остаться? — невозмутимо спросил он.

Ли Жун сглотнул. Он присел на деревянный стул, стоявший за спиной, и положил левую руку на запястье Цэнь Сяо, глядя на него снизу вверх.

— Мы ведь ещё не продали наше время. Двадцать тысяч, помнишь?

Цэнь Сяо мельком глянул на бледные пальцы на своём рукаве, но не шелохнулся.

— Мне не так уж жаль этих денег.

Ли Жун невольно улыбнулся и легонько толкнул его в руку.

— Мы на чужой территории. Что ты задумал?

На самом деле Цэнь Сяо и не собирался ничего предпринимать. Это место не было надёжным, да и Тан Хэ, не дождавшись его в тренировочном зале, наверняка пришёл бы искать сам. Однако упускать шанс подразнить Ли Жуна было выше его сил — особенно помня, как тот раньше сам не раз провоцировал его, нарочито расстегивая одежду.

Он замер, глядя сверху вниз на Ли Жуна, закутанного в плотную зимнюю куртку.

— Ты ведь раньше не пользовался здешней сушилкой. Помочь?

Юноша отдернул руку, чувствуя лёгкое раздражение.

— Ты правда считаешь меня настолько глупым?

Неужели он сам не разберётся с простейшим прибором?

Цэнь Сяо хотел было добавить что-то ещё, но тишину прервал звонок — Тан Хэ всё-таки потерял терпение. За те деньги, что он брал за уроки, босс проявлял поразительную профессиональную этику и не желал просто так просиживать время в зале за чашкой чая.

Юноша взглянул на экран телефона и нахмурился. Ли Жун мгновенно всё понял и поторопился выпроводить его:

— Этот босс только потому, что работал в Девятом районе, берёт такие бешеные деньги. А я — лучший ученик потока — всего две сотни. Тебе, может, и не жалко, а вот мне обидно.

В его словах промелькнуло нечто интимное, едва уловимый намёк, который оба считали безошибочно. Человек не станет считать чужие деньги своими, если не признаёт их обладателя кем-то близким.

Цэнь Сяо принял вызов, тут же сбросил его, давая понять, что скоро будет, и направился к выходу. Но у самой двери он внезапно обернулся:

— Двадцати минут хватит, чтобы всё просохло. Запри дверь и будь осторожен.

Ли Жун, уже собиравшийся расстегнуть куртку, замер в недоумении:

— Осторожен с чем?

Это тренировочный зал, здесь каждый второй сотрудник владеет боевыми искусствами, да и сам он вовсе не был хрупким оранжерейным цветком. Что здесь могло случиться?

Цэнь Сяо помолчал секунду и отвернулся.

— Просто к слову пришлось.

Несмотря на это, выйдя в коридор, он всё же плотно притворил дверь, убедившись, что замок защёлкнулся.

Ли Жун перестал раздеваться и задумчиво уставился на дверь, нахмутив брови. В поведении Цэнь Сяо сегодня было две странности: его необъяснимая неприязнь к Ду Минли и реакция на одну простую фразу.

«Я ухожу, ты со мной?»

В этих словах не было ничего особенного. В прошлой жизни он повторял их постоянно: коллегам по лаборатории, студентам Университета А, старшим наставникам. Это была даже не просьба, а простая вежливость человека, покидающего помещение.

Но была одна деталь. Он никогда не говорил этого Цэнь Сяо.

В той, прошлой реальности тот почти всегда сам отвозил его в «Хунсо», и нужды в подобных вопросах не возникало. А если Ли Жун и уходил куда-то один, то обычно после очередной ссоры, когда ни о какой вежливой компании не могло быть и речи.

Пока он не мог найти этому объяснения. Возможно, когда наступит подходящий момент, он спросит об этом самого Цэнь Сяо.

Брюки высохли быстро — действительно хватило двадцати минут. Тёплая ткань приятно прилегала к коже.

Когда Ли Жун вышел из уборной, Ду Минли уже и след простыл. Ушёл ли он тренироваться с кем-то другим или вовсе покинул центр — юношу не волновало. Цэнь Сяо всё ещё был занят спаррингом с Тан Хэ. Понаблюдав за ними какое-то время и почувствовав усталость, Ли Жун взял стакан воды и отправился бродить по залу.

У самого входа его окликнула девушка с ресепшена:

— Послушайте...

Ли Жун остановился.

— Да?

Щёки девушки слегка порозовели, она явно была чем-то взбудоражена. Оглядевшись по сторонам, она зашептала:

— Тот мужчина, который хотел перекупить ваши часы... Он только что подходил ко мне. Спрашивал, являетесь ли вы студентом этого центра. Я ничего ему не сказала, но... будьте осторожнее с такими типами. Мало ли что у этих зрелых мужчин на уме.

Ли Жун негромко рассмеялся, и в его глазах заплясали искры:

— Благодарю за заботу. Я буду внимателен.

Администратор, скорее всего, решила, что Ду Минли положил на него глаз, но юноша понимал истинную причину: тот пытался навести справки о его личности. Его даже немного забавляло, что Ду Минли отнёсся к нему настолько серьёзно. Пожалуй, в глазах по-настоящему умных людей некоторые вещи невозможно скрыть, как ни старайся.

Тренировка закончилась лишь спустя три часа. Цэнь Сяо и Тан Хэ ещё немного отдохнули, обработали ссадины мазью, и только после этого засобирались.

Выглянув в окно, Ли Жун увидел, что на улице пошёл снег. Это был первый снег в городе А в этом году. Крупные, пушистые хлопья кружились в воздухе, подхватываемые ветром, словно боясь коснуться земли и исчезнуть в дорожной грязи.

У юноши даже на аватаре в мессенджере стояла снежинка — он очень любил снег. В детстве Ли Цинли и Гу Нун каждый год помогали ему лепить снеговиков. Его мать, будучи южанкой, редко видела его, и лишь во время учёбы за границей, оказавшись в заваленном сугробами городе, она смогла вдоволь накувыркаться в снегу.

Эта детская восторженность Гу Нун передалась и ему. Падающий снег всегда означал, что родители на время сами превратятся в детей и будут резвиться вместе с ним. Казалось, они вообще не собирались взрослеть: каждый снегопад они устраивали больше шума, чем их маленький сын. Так было, когда ему исполнилось пять, десять... Так было и незадолго до его совершеннолетия.

Но в этом году их не стало.

Ли Жун, сопротивляясь порывам ветра, толкнул стеклянную дверь и протянул руку, подставляя ладонь летящим с неба хлопьям. Снежинка коснулась кожи, обожгла холодом и мгновенно превратилась в прозрачную каплю.

— Не холодно? — Цэнь Сяо бесшумно вырос по правую руку от него, закрывая собой от ветра.

Юноша не успел ответить — его сотряс резкий приступ кашля. В горле неприятно запершило. Видимо, когда душа становится уязвимой, тело послушно следует за ней.

Ли Жун поспешно отогнал нахлынувшие воспоминания и спрятал руки.

— Всё в порядке.

— Иди посиди внутри, — распорядился Цэнь Сяо. — Я прогрее машину.

— Я подожду в салоне. На улице ведь не так уж холодно, когда идёт снег.

Они обошли здание и вышли на парковку во внутреннем дворе. Цэнь Сяо завёл двигатель и включил обогрев. После тёплого помещения снаружи действительно пробирало до костей, но салон быстро наполнился теплом, и Ли Жун перестал кутаться в рукава, отогревая пальцы.

Из-за густого снегопада и серых сумерек видимость была плохой, и машины на дорогах двигались крайне медленно. Цэнь Сяо собирался отвезти Ли Жуна поужинать, но не успели они доехать до оживлённых кварталов, как тот внезапно постучал по стеклу:

— Притормози у обочины. Кажется, там кто-то знакомый.

Цэнь Сяо бросил взгляд в зеркало заднего вида и плавно остановился. По краю тротуара медленно брела одинокая фигура. Человек был невысок и одет совсем не по погоде — в одно лишь серо-желтое пальто. Снег бесцеремонно залеплял шею и лицо, превращаясь в воду и стекая за шиворот. Уши несчастной покраснели от холода, волосы, стянутые в хвост, растрепались, а чёлка была в беспорядке. Лишь широкая оправа очков защищала её от летящего в глаза снега.

Цзи Сяочуань. Почему каждый раз, когда он видел её, она выглядела столь жалко?

Ли Жун невольно покачал головой и, распахнув дверцу, крикнул:

— Цзи Сяочуань!

Девушка вздрогнула от неожиданности, оступилась и едва не скатилась с бордюра прямо в придорожную жижу. К счастью, она успела восстановить равновесие. Убрал с лица мокрые волосы, она растерянно оглянулась:

— А... я... Ли...

Она узнала его, хотя меньше всего ожидала встретить здесь. В школе поговаривали, что Ли Жун живёт в общежитии, а такие студенты редко покидают кампус по выходным.

Юноша прикрылся рукавом от ветра:

— Тебе куда? Садись, подбросим.

Цзи Сяочуань испуганно замахала руками:

— Нет-нет... мне... мне никуда не надо. Я просто... гуляю. Не стоит... беспокоиться.

В этот момент ветер приподнял её густую чёлку, и Ли Жун заметил на её лбу свежую ссадину,

затянувшуюся тонкой корочкой. Судя по виду, ране было от силы пара дней.

Он вздохнул:

— Садись в машину. На улице сильный ветер.

Цзи Сяочуань замаялась. Ей меньше всего хотелось обременять Ли Жуна. В глубине души она надеялась, что он проедет мимо, не заметив её. Но юноша не собирался притворяться слепым, и чем дольше она стояла, тем больше холодного воздуха проникало в открытую дверь. Она слышала от Сун Юаньюань, что у него очень слабое здоровье.

Стиснув зубы, девушка подбежала к машине и юркнула на заднее сиденье. Но едва она закрыла дверцу, как её взгляд упал на водителя.

— Т-т-ты... Цэнь... Сяо?

Она и так немного заикалась, но от волнения слова и вовсе перестали ей подчиняться. Она вжалась в дверцу, словно пыталась слиться с обивкой салона.

Цэнь Сяо бросил взгляд на Ли Жуна и с недоумением спросил:

— Что же я такого ужасного совершил за эти три года в школе? Какая у меня там репутация?

Он искренне не понимал: он никогда не обижал тихих одноклассников и порой бывал вполне миролюбив.

Ли Жун, отряхивая снег с волос, тихо рассмеялся. На самом деле старшая школа была для Цэнь Сяо периодом затишья; не имея реальной власти, он никогда не выставлял себя напоказ. Но, видимо, в каждом учебном заведении должен быть свой «серый кардинал» — человек с деньгами и связями, которого побаивается даже директор. Поскольку большинство учеников никогда не общались с ним лично, по школе бродили легенды. Цэнь Сяо идеально подходил под этот шаблон, и даже не делая ничего, он обрастал слухами.

— Цзи Сяочуань, Цэнь Сяо — мой друг, — Ли Жун обернулся к ней, глядя через просвет между сиденьями.

— А... д-да... здравствуйте, — едва слышно выдавила девушка.

Она не знала, как Ли Жун умудрился подружиться с этим влиятельным человеком, но вспомнила слова Сун Юаньюань: в классе строго-настрого запрещено упоминать их имена.

— Куда едем? — спросил Цэнь Сяо. Разумеется, он спрашивал гостью, ведь их собственный маршрут был определён заранее.

Цзи Сяочуань была неглупой. Она опустила голову, пряча глаза за чёлкой, и прошептала:

— Мне... некуда идти.

Она бродила по улицам уже несколько часов и под конец была вынуждена постоянно двигаться, чтобы не околеть. Она уходила из дома в такой спешке, что забыла и телефон, и деньги, поэтому не могла зайти даже в кафе, чтобы согреться. В машине было так тепло, что она только сейчас осознала: её руки и ноги почти потеряли чувствительность, а уши горели от колючей боли.

— Тогда поехали с нами ужинать, — предложил Ли Жун.

Цзи Сяочуань хотела было отказаться, но слова застряли в горле. Перед этим юношей любая её ложь казалась бессмысленной. Ей чудилось, что его ясные глаза видят её насквозь. А правда заключалась в том, что она была смертельно голодна и продрогла до костей.

— Я... я забыла телефон, — пролепетала она. — В понедельник... я...

Она не могла заплатить за себя и считала нужным предупредить об этом заранее.

— Как только списки программы «Выдающиеся таланты» утвердят, у меня прибавится дел, — прервал её Ли Жун. — Рынок диктует свои условия, и я планирую поднять расценки на свои занятия. Так что мне понадобится ассистент. Пойдѐшь ко мне?

Тан Хэ, проработав в Девятом районе всего два года, брал за час двадцать тысяч. Ли Жун же был действующим исследователем «Хунсо», к тому же лично сдавшим этот самый сложный экзамен.

— Я... спасибо, — Цзи Сяочуань понимала: он просто даёт ей возможность заработать на жизнь. Просить деньги у собственных родителей было для неё сущей пыткой. К счастью, она хорошо училась и действительно могла быть полезной.

Ли Жун отвернулся, поправил ремень безопасности и уставился в окно. После недолгого молчания он негромко произнёс:

— На волосах скапливается много бактерий. Если постоянно закрывать ими лоб, рана может воспалиться. Не бойся, мы не станем расспрашивать лишнего или рассказывать кому-то.

Цзи Сяочуань поняла, что он всё заметил. Она робко подняла взгляд, закусив губу; в глазах

защипало.

— Они... они не нарочно. Хозяин дома, где работает мама, постоянно скандалит, придирается к ней по пустякам, чтобы выплеснуть злость. Она возвращается сама не своя... А тут ещё младший брат заболел, температура поднялась. На улице снег, такси не дождёшься, в больницах очереди... Они просто... очень устали. Сорвались.

Для девушки это была необычайно длинная речь. Из-за своего заикания она обычно цедила слова по капле. Но Ли Жуну она доверяла — знала, что он никогда не станет смеяться. Это был первый раз, когда она решилась рассказать кому-то о своей семье. Наверное, потому, что он единственный заметил её рану. Другие бы и внимания не обратили, не то что предупредили об инфекции.

У Цэнь Сяо, кажется, тема сложных отношений с родителями нашла какой-то отклик, и он бросил:

— Смените работодателя.

Логика была проста: если корень бед в хозяине дома, нужно уходить.

Цзи Сяочуань не ожидала, что он заговорит с ней, и поспешно ответила:

— Там... там платят хорошо, и работы немного. Мама только... готовит. В другие комнаты... заходить запрещено.

— Непохоже, что там живут приятные люди, — заметил Ли Жун.

— Да нет... достойный человек, — тихо возразила девушка. — Профессор из Исследовательского института «Хунсо». Я ведь тоже мечтаю там работать... когда-нибудь.

Юноша мгновенно подобрался:

— Какой профессор?

— Ли... Ли Байшоу.

Ли Жун вздрогнул и непроизвольно переглянулся с Цэнь Сяо. Тот, хотя и продолжал следить за дорогой, заметно сбросил скорость. Цзи Сяочуань смотрела на них в полной растерянности, не понимая, почему имя профессора вызвало такую острую реакцию.

Ли Жун, не сводя глаз с Цэнь Сяо, произнёс с нажимом:

— Помнишь, я говорил тебе? Кажется, Ли Байшоу ничего не знал о той истории в СМИ, связанной с Лю Таньчжи.

<http://bllate.org/book/15351/1427777>